

Хлеб

Пригибаясь под тяжестью мешка, Валя прошла по трапу, опустила ношу в баркас, распрямилась, утерла рукавом лицо и облегченно вздохнула:

- Ну, кажется, все!

Сто двадцать мешков с пшеницей заполнили отсеки баркаса до краев. Пять человек сопровождают этот груз - два старичка и три девушки. Старички совсем древние, ноги у них в коленях уже не распрямляются. А девчата еще зеленые и гибкие.

Баркас отчаливает. Родная река легко несет суденышко. Осадку оно дало большую, вытяти руку за борт - ощутишь упругий холод сентябрьской волны.

Современную осень колхоз отправляет рано в хлебозаготовку рекой. Сухопутьем до элеватора всего пятнадцать километров, а водой наберется не меньше сорока. Но в селе мало осталось лошадей - вот уже несколько месяцев идет война, сдали для армии. И людей осталось - стар да мал... К элеватору баркас несет речка, а оттуда тянет на телеге лошадь, которую так и прозвали - бурлак.

Из трех девушек Валя, наверное, самая молоденькая. К тому же она не вышла ростом. Но сила в руках у нее есть. Росла в большой семье, с детства работала в поле, на покосе, в четырнадцать лет сухонькие, цепкие руки махали косой на лугах, и девчонке не «наступали на пятки» женщины...

Две пары гребцов. А на рулевом весле сидит дед Василий. Он живет у самой реки, дни и ночи проводит на воде, с ним не страшно ехать. Только вот совсем

старик сдал в последнее время: бороденка позеленела, глаза на ветру слезятся, пальцы как одеревенелые, долго не разгибаются после весла.

- Не топи весло, Валька! - кричит он с кормы простуженным голосом. - Силу береги! Поверху, поверху пускай!

Валя посмеивается: силы у нее хватит. Она еще не знает, что такое усталость. Откинувшись назад всем телом, она тянет к себе тяжелое весло, глубоко пошедшее в воду.

Хорошо! Проплывают мимо берега, березы и ракиты на них, деревушки с вышедшими на берег ребятишками с бабами.

- Дедушка, мне быстрее надо! - весело дразнит рулевого Валя. - Поэтому и беру глубоко.

- На реке не сила нужна, а сноровка, - поучает дед.

Одно вот только плохо: ладонь Валина не может обхватить толстое весло, и оттого побаливают самые кончики пальцев, подушечки.

- Не мочите руки! - раздается очередной приказ деда Василия. - Мозоли наживете!

«Милый дедушка, мы это и без тебя знаем!» - хочется сказать Вале, но она молчит, только улыбается.

Вот уже и солнце высоко поднялось. Скоро поворот. Впереди желтеет глина высокого берегового обрыва - надо держать на нее. Дед чуть поворачивает веслом. Круче, круче... И баркас становится поперек течения.

Внезапно поднялся ветер, закачались

на берегу деревья, пролетели над рекой сухие листья... Застучали волны о низкие борта. Холодные брызги бьют в лицо.

- Гребите, гребите крепче! - испуганно кричит дед.

Одна из волн мощно обрушивается на баркас, и Валя, погружаясь в воду, успевает сообразить, что лодку опрокинуло...

...Очнулась она на берегу. Над ней склонились какие-то незнакомые лица.

- Сколько вас было? - спрашивали ее.

Она снова закрыла глаза, не в силах ни говорить, ни даже подумать о том, что случилось.

Через минуту ей рассказывали:

- Ты подплыла к бакену и уцепилась за него. Мертвой хваткой. Еле-еле мы разжали твои пальцы. А подружку поймали ниже, она ухватилась за весло и плыла...

- Значит Лена жива?

- Жива, жива, ее увезли в деревню.

Об остальных люди молчали.

...Председатель колхоза вызвал ее в контору. Кажется, ему нелегко было начинать этот разговор. Говорил он просительно, как бы извиняясь, и все боялся посмотреть ей в глаза.

- Понимаешь, Валя, некому... А возить хлеб надо.

Страна требует. Фронту нужен...

- Раз надо, поеду, - ответила она.

И снова баркас с драгоценным грузом плывет к элеватору. Сорок верст. И та же родная, красивая, но страшная река. Только на веслах - новые люди. Новые, кроме Вали.

А Лена все еще лежала в больнице.

Иван ШУМИЛОВ